

Сергей Собянин дал интервью газете «Комсомольская правда»

12.12.2014

В минувший понедельник Сергей Собянин открыл на юго-западе Москвы новую станцию метро — «Тропарёво». И по традиции отправился вместе с метростроителями в первом поезде. А в попутчики взял с собой «Комсомолку».

«Через турникеты не прыгаю. Вот билет»

Корреспондент: Сергей Семёнович, я заметил, что Вы волновались сейчас, открывая эту станцию.

Сергей Собянин: Для Москвы открытие новой станции метро — это всегда большое событие. Это гигантское сооружение, над которым работали тысячи людей. И для москвичей это всегда большое событие. Эта станция возьмёт на себя больше 200 тысяч пассажиров ежедневно. Плюс сюда мы заведём ещё четыре направления наземного общественного транспорта. Уже через неделю переключим сюда основное движение наземного общественного транспорта от «Юго-Западной».

В дальнейшем на Сокольнической линии будут построены ещё две станции, большое депо. А на станции «Саларьево» будет крупнейший транспортно-пересадочный узел Москвы. Для чего? Для того чтобы люди не ехали по Киевскому шоссе, по Ленинскому проспекту, а останавливались там и пересаживались с личного, наземного транспорта на метро.

Корреспондент: Мэр тоже будет на метро ездить, если Вы столько станций в Москве откроете? Вы, может быть, с этой целью?

Сергей Собянин: Я с удовольствием уже и езжу.

Корреспондент: Вы бесплатно ездите? Или Вам приходится платить? У Вас есть проездной?

Сергей Собянин: Слушайте, я ещё не научился через турникеты прыгать. (Смеётся.) Могу предъявить.

Сергей Собянин вынимает из кармана проездной и показывает корреспонденту «КП».

Корреспондент: Это Вы сейчас купили?

Сергей Собянин: Из вас хороший контролёр получится. (Серьёзным голосом.) Не хотите подработать?

Корреспондент: Если предложите, может быть, и соглашусь. У Вас только на метро или на другой транспорт тоже?

Сергей Собянин: У нас давно уже универсальные билеты. (Улыбается.) Вы, видимо, мало ездите на общественном транспорте.

Корреспондент: Вы сейчас чаще ездите на метро, нежели чем тогда, когда работали в Кремле или Белом доме?

Сергей Собянин: Когда работал в Кремле — почти совсем не ездил.

Корреспондент: А сейчас?

Сергей Собянин: Сейчас — часто. Там, куда можно приехать на метро, стараюсь ездить на метро.

Корреспондент: Я помню первые Ваши заявления на посту столичного градоначальника — насчёт пробок.

Сергей Собянин: Мы говорили о том, чтобы передвижение по городу сделать более комфортным. И уже каждый себе выбирает — либо пользоваться машиной, либо ехать на общественном транспорте.

Корреспондент: С тех пор как Вы разменяли пятилетку пребывания на посту Мэра, пробок меньше стало, на Ваш взгляд?

Сергей Собянин: А на ваш?

Корреспондент: На мой взгляд, меньше, но не на много.

Сергей Собянин: В принципе, их намного больше должно было стать.

Корреспондент: Серьёзно?

Сергей Собянин: Потому что каждый год мы получаем десятки и сотни тысяч новых легковых машин, город прирастает примерно на 100 тысяч жителей, Подмоскowie — тысяч на 150. Москва растёт. Поэтому, естественно, если ничего не делать, то город давно бы уже остановился...

Выходим с Сергеем Собяниным из метро. Пересаживаемся в автобус.

Сергей Собянин: ...Видите — выделенная полоса. Казалось бы, она не улучшает движение для легкового транспорта, а только забирает у него одну полосу. Но что это даёт? Это дает то, что автобусы двигаются быстрее. Частота движения автобусов увеличивается, выполнение графика становится лучше. Людей, которые предпочитают ездить на автобусе, становится больше. Если выделенной полосы нет, правая полоса, как правило, забита припаркованными машинами, все стоят в пробке. А с выделенной полосой и автобус быстрее двигается, и машин на дороге меньше.

Корреспондент: А некоторые этого не понимают.

Сергей Собянин: Вначале не понимали практически все. Сегодня понимает, я думаю, уже большинство. Миллион человек каждый день пользуется выделенными полосами для общественного транспорта. Люди точно ощущают. И даже когда вводится новая станция метро и можно было бы закрыть выделенную полосу для общественного транспорта, люди говорят: ни в коем случае. Нам очень комфортно добираться на небольшие расстояния до школы, до работы. Выделенные полосы уже стали неотъемлемой составляющей организации дорожного движения.

Корреспондент: Ещё каких хитростей столичного градоначальника москвичам ждать в ближайшее время? Может, по секрету нам что-то расскажете?

Сергей Собянин: Вы ждете, когда мы скажем, что введём платный въезд в Москву?

Корреспондент: Я не знаю. Это всё враньё насчёт платного въезда?

Сергей Собянин: Конечно. Это журналистские утки, не более того. Конечно, данная тема давным-давно обсуждается. Многие столицы и крупные города ввели платный въезд. Но в Москве мы всерьёз его никогда не обсуждали. Мы сейчас работаем над развитием общественного транспорта, над расширением зоны платной парковки. Это основные решения для того, чтобы улучшить движение на дорогах. Кроме того, мы в массовом порядке строим и реконструируем развязки и магистрали. Если же кому-то хочется пообсуждать эту тему, пожалуйста...

Корреспондент: Сделать для них специально платные парковки?

Сергей Собянин: Да нет, я думаю, что для них можно сделать специальную площадку для обсуждения. Ещё раз повторю, на уровне Правительства города мы ни разу всерьёз эту тему не обсуждали. И Правительство Москвы не принимало решение о платном въезде. Я считаю, что это очень сложная тема. Особенно когда с экономикой действительно есть определённая турбулентность, есть замедление роста, в том числе и роста доходов граждан. Вряд ли целесообразно принимать такое решение.

Как у Белокаменной со здоровьем?

Корреспондент: Одна из первых Ваших поездок в качестве Мэра была в Первую городскую больницу. Тогда и Владимир Путин — я готовил об этом репортаж — приезжал. Я тогда удивился, что Вы выбрали не самую лучшую больницу. Это что, специально было сделано, чтобы Москве на здравоохранение больше денег дали?

Сергей Собянин: На тот период все программы уже были сформированы. И впервые за всю историю развития московского здравоохранения, я имею в виду постсоветский период, Президент, Правительство Российской Федерации выделили достаточно серьёзные деньги на модернизацию столичной медицины. Мы эту программу составили 50 на 50, то есть половина финансирования пошла из городского бюджета, половина — из

федерального. Именно поэтому мы в короткие сроки смогли, по сути дела, заново обеспечить московское здравоохранение современным оборудованием. 68 тысяч единиц современного оборудования — это не шутки.

Корреспондент: А в денежном выражении — не помните?

Сергей Собянин: Это больше 100 миллиардов рублей, из них 47 миллиардов — на закупку оборудования.

Корреспондент: Только Москва?

Сергей Собянин: Москва и федеральный бюджет вместе. Но деньги деньгами, вопрос, как их израсходовать. Нам удалось в тот период снизить до пяти раз стоимость некоторого оборудования, особенно сложного, высокотехнологичного, тяжёлого медицинского оборудования. Если аналогичные КТ и МРТ ещё несколько лет тому назад покупали за 120 миллионов рублей, то мы закупили за 20 с небольшим. Это, с учётом инфляции, всё-таки другие деньги.

Корреспондент: Скидки Вам кто-то сделал? Потому что это Собянин?

Сергей Собянин: Я доскажу. И само оборудование — уже другого, более современного поколения. А почему это удалось? А потому что мы пригласили все фирмы-производители и сказали: уважаемые господа, между нами и вами стоит огромное количество посредников, которые берут по три, четыре, пять цен с вашего оборудования, и эти деньги не достаются вам, они просто ухудшают вашу конкурентоспособность. Я думаю, это самым серьёзным образом повлияло на то, что мы получили европейские цены, как торгуют не третьим странам, а тем странам, с которыми эти производители работают напрямую.

Корреспондент: За счёт сэкономленных денег Вы дополнительно оборудование...

Сергей Собянин: Конечно. На круг мы сэкономили где-то 25 — 30 процентов. И все они остались в программе модернизации, они пошли на увеличение объёмов закупок.

Корреспондент: Подскажете ещё какие-то утки по поводу здравоохранения?

Сергей Собянин: К сожалению, очень много обсуждается вопросов не существующего, скандального плана, но очень мало говорится о том, что нам дала модернизация здравоохранения, какой достигнут уровень качества обслуживания. Для москвичей важно, как их лечат, насколько их здоровье защищено. Если, например, для инфарктников уровень смертности с 25 процентов снизился до восьми процентов, это означает, что тысячи жизней спасены. Такой рывок сделан буквально за два года. И это не случайно. Надо было выстроить всю цепочку, начиная от нового оборудования и логистики, своевременной доставки больных и оказания им помощи. Практически по всем показателям смертность снижена. Много говорится о роддомах, об их закрытии. Мы закрываем развалюхи, в которых просто нельзя оказывать помощь. И одновременно открываем новые роддома. Если вы посмотрите, детская смертность при родах составляет шесть детей на тысячу рождаемых. Это примерно то же самое, что было три года назад. Но тогда учитывали новорожденных весом свыше килограмма, а сейчас мы боремся за детей от 500 граммов и выше. Это совершенно другой, европейский показатель, европейский уровень оказания родовспоможения.

Корреспондент: А сами Вы чем лечитесь, если, допустим, простынете? Малиной, сибирскими травами?

Сергей Собянин: Я не скажу вам. Иначе к врачам обращаться не будут, все будут пользоваться сибирскими рецептами. А если серьёзно... Вот смотрите, мы с 2010 года прошли огромный путь в здравоохранении. И речь не только об оборудовании. Мы создали новую систему организации здравоохранения, объединив мелкие поликлиники с крупными амбулаторными центрами. Таким образом, чтобы у человека была доступность не только к его маленькой районной поликлинике, в которой зачастую нет ни диагностического оборудования, ни лабораторного оборудования, ни узких специалистов. Теперь же он прикреплен к более крупному центру и всегда может получить помощь не только в своей поликлинике, но и в любом отделении этого центра.

В-третьих, мы создали электронную запись к врачам, которой теперь уже пользуются миллионы москвичей. Эта электронная запись позволила не только более комфортно записываться, но и управленцам видеть, а что там происходит с записью, с очередностью. Благодаря этому стал более жёсткий контроль, мы стали видеть узкие места, где и каких специалистов не хватает. Очередь к терапевтам уменьшилась в два с лишним раза за последние

два-три года. Это неплохое достижение. Если взять Европу, то ни в одной стране такой динамики улучшения показателей приёма пациентов не существовало за всю историю их реформирования. Это достаточно серьёзные сдвиги. Четвёртое направление — то, что мы переходим на новые системы финансирования. Это даже не наша прихоть, это требование федерального законодательства, и, в принципе, правильное. Когда та же поликлиника получает по смете, то ей всё равно, сколько у неё обслуживается пациентов и какое качество лечения.

Сегодня поликлиники получают деньги за пациентов, которых они обслуживают. Чем больше пациентов, тем больше они получают. И сегодня уже по той нервозности, которая есть у амбулаторных центров, когда они начали активно агитировать пациентов прикрепляться к поликлиникам, можно судить о том, что в системе началась внутренняя конкуренция...

Корреспондент: Они хотят как можно больше к себе?

Сергей Собянин: Они начали бороться за пациентов. Больше их в Москве не будет, но вопрос «К какой из поликлиник они прикрепятся?» теперь дело жизни самой поликлиники. Потому что они получают за пациента и зависят от него. Это то же самое, что было сделано в школах, когда мы ввели подушевое финансирование. Школы начали конкурировать друг с другом за ученика. Во всяком деле всегда должен быть главным звеном не тот, кто обслуживает, а тот, кого обслуживают, пациент должен быть главным. И это одна из самых главных реформ в области здравоохранения. Когда деньги приходят за ту услугу, которую оказывают пациентам, или за пациента, который прикреплен к поликлинике.

Корреспондент: Я живу в Крылатском. И знаю поликлиники, где к специалистам... Я сам там не лечусь, Вы меня уже уличили в том, что я на метро не езжу, — в ту поликлинику я тоже не хожу. Но мне говорят соседи, что к специалистам очень тяжело попасть. Терапевт не даёт направление к специалистам. А это чем объяснить?

Сергей Собянин: Если он не даёт направление, значит, он отвечает за свои действия. Это означает, что, может быть, и не нужно направлять к специалисту человека, который в этом не нуждается. Наверное, они жалуются на то, что не могут попасть к специалисту, не побывав у терапевта. Это действительно так. И во всех странах мира именно так. Ты сначала должен прийти к врачу общей практики, терапевту, а потом идти к очень узкому специалисту. Но здесь есть компромисс. Человек может сам записаться к большей части специалистов. И только к особо дефицитным — он сначала приходит к терапевту, и уже терапевт смотрит, а нужно ли к этому специалисту ему записываться. Иначе у нас всегда будут огромные очереди к узким специалистам, а терапевты будут для мебели в поликлиниках находиться. Они же тоже должны брать на себя ответственность и нагрузку. И здесь есть ещё один очень непростой момент. В своё время из врачей общей практики, по сути дела, сделали терапевтов, которые не могут диагностировать и выдавать рецепты по целому ряду заболеваний. У них нет этого права, потому что нет соответствующей квалификации врача общей практики. Сейчас идёт массовое переобучение терапевтов на врачей общей практики, чтобы они самые элементарные болезни могли диагностировать и выписывать рецепты. Тогда снизится очередь к узким специалистам.

Долой «бутылочные горлышки» и клеверные развязки!

Корреспондент: Вы больше радуетесь, когда метро открывается или когда развязки и новые трассы?

Сергей Собянин: Нельзя противопоставлять метро и дорогу. И то и другое очень важно для города. Вы хорошо знаете, что у нас старые клеверные развязки морально и физически устарели.

Корреспондент: А почему они клеверными называются?

Сергей Собянин: Потому что они сделаны в виде листа клевера. И, конечно, они являются постоянными генераторами пробок, в этих местах скапливается большое количество машин в любое время года.

Когда мы принимаем решение, строить или нет тот или иной объект, я имею в виду дорожную инфраструктуру, мы смотрим на то, какая ситуация не в самый сложный период, а наоборот — в самый благополучный. Если даже в самый благополучный транспортный период в этом месте пробка, это сто процентов означает, что это связано не с переполненностью автомобилями дорог, а с тем, что там узкое «горлышко», которое надо расширять.

Практически все развязки на МКАД являлись узкими «горлышками». Именно поэтому мы в таком масштабе реконструируем развязки на МКАД и вылетные магистрали. Но это не означает, что Москва может вобрать в себя

неограниченное количество машин.

Проехав МКАД и развязки, мы упираемся в естественные ограничители уже построенного города, уже созданного за десятилетия и столетия. По Садовому и Бульварному кольцу невозможно пропустить больше автомобилей, чем сегодня есть. И ни через Тверскую, ни через Кутузовский тоже невозможно. Строить эстакады над Кремлём тоже невозможно. Поэтому мы всегда говорим о том, что у города есть свои ограничения, которые мы не преодолеем ни в коем случае. Поэтому, помимо развития дорожных магистралей, надо развивать общественный транспорт. В нескольких направлениях. Наземный. Подземный. И пригородный. Потому что половина общего трафика личных автомобилей приходится не на москвичей, а на жителей Подмосковья и других регионов. И очень важно дать им возможность ехать в Москву не на своих автомобилях, а на электричках, сделав частоту их движения и комфортность такой же, как у метро. Мы же не можем построить метро во всей Московской области? Но есть традиционные железнодорожные коридоры, по которым ходят электрички, но они ходят не так часто, как хотелось бы, и не являются достаточно комфортными. Поэтому, помимо городских проблем, которые мы решаем — строительство метро и дорог, мы параллельно работаем с РЖД по строительству новых путей для пригородных электричек.

Кстати, ежегодно мы вводим 80 километров дорог, эстакад, мостов, развязок. И будем поддерживать этот темп и в ближайшие годы. Потому что я считаю, что развитие инфраструктуры очень важно как для снятия напряжённости на дорогах, так и для возможности будущего развития города, привлечения инвестиций. Город, который закупорен и в котором не развивается инфраструктура, будет умирать. А мы хотим, чтобы наш город процветал.

На «довольствии» у города — 4,5 миллиона человек

Корреспондент: За четыре года Вы не отменили ни одну социальную программу. В том числе надбавки пенсионерам...

Сергей Собянин: Не отменяли и отменять не собираемся. Более того, мы открыли новые направления, такие как адресная поддержка определённых категорий граждан.

Корреспондент: Например?

Сергей Собянин: Мы начинали с ветеранов войны. Потом — труженики тыла. Затем инвалиды первой группы, Мы обследуем, как этот человек живёт, в чём он нуждается, и помогаем не просто рублём — всем поровну, а конкретно, что этому человеку нужно. Допустим, дополнительное медобследование, какая-то бытовая техника в квартире, или ремонт, или путёвка и так далее. По каждому человеку составляется конкретный перечень помощи, в которой он нуждается. Для этого создана целая сеть социальных служб, которая обязана мониторить ситуацию и выстраивать программу адресной поддержки.

Корреспондент: А сколько народу на «довольствии» у города находится, если так образно сказать?

Сергей Собянин: Четыре с половиной миллиона москвичей получают у нас различные формы социальной поддержки. Начиная от льгот на транспорте, которыми пользуются все ветераны, пенсионеры, студенты, и заканчивая субсидированием по коммунальным платежам...

«Своих гостей повезу на ВДНХ»

Корреспондент: Ну а если говорить об архитектурном, историческом облике столицы...

Сергей Собянин: Во-первых, мы расторгли — на десятки миллионов квадратных метров — инвестиционные контракты, которые предусматривали точечную застройку, в основном центра. То есть мы спасли сотни московских дворов, сотни памятников, которые, по сути дела, были уже predeterminedены под застройку в соответствии с теми инвестиционными контрактами, которые были заключены городом.

Корреспондент: То есть москвичи, которые протестовали против всего этого, до Мэра достучались?

Сергей Собянин: Более того, мы активно сами включились в этот процесс и инициировали расторжение этих инвестконтрактов. Была проделана огромная работа, связанная с внесением поправок в федеральное законодательство и процедуры расчётов с инвесторами. Мы прошли сотни судов различных инстанций. Была большая кропотливая работа, которую мы вели в течение последних четырёх лет. Остались уже даже не сотни, а

десятки проблемных объектов.

Что касается охраны архитектурных памятников, мы с 10 объектов, которые реставрировались в 2010 году, вышли на 300... То есть объём реставрации увеличился в 30 раз. И по количеству объектов, и по объёму финансирования. Более того, если раньше эта программа финансировалась в основном за счёт бюджета города, то сегодня половина всех объектов реставрируется за счёт инвесторов. А общий объём составляет где-то около 17 — 19 миллиардов рублей в год. Ни одна столица мира такие инвестиции в поддержание памятников архитектуры и их реставрацию не вкладывает. Это я вам говорю ответственно.

Корреспондент: А что касается программы «200 храмов», с которой, в частности, работает Владимир Ресин...

Сергей Собянин: Владимир Ресин входит в попечительский совет по строительству храмов, который возглавляем мы с Патриархом, большую роль играет в реализации этой программы, курирует её, и я ему благодарен за это. Мы определяем место расположения храмов, выделяем землю (я имею в виду город), а дальше Патриархия уже привлекает инвесторов для строительства этих храмов. Но при этом мы обязательно учитываем мнение жителей. Там, где есть конфликты, где жители говорят, что нам не нужно строить, мы, как правило, соглашаемся и предоставляем другие участки. Но в большинстве случаев жители, наоборот, приветствуют и помогают в строительстве храмов, потому что благоустраивается большая территория вокруг них и возникает новый архитектурный комплекс, который зачастую украшает безликие микрорайоны, становится для них архитектурной доминантой.

Корреспондент: Вот остальные, допустим, конфессии не обидятся на Мэра, на Москву?

Сергей Собянин: Вы знаете, у нас строится соборная мечеть на Олимпийском проспекте, и, на самом деле, если брать мусульман, которые проживают в Москве, прописаны здесь, то, мне кажется, что для них этого достаточно. Другим религиям мы тоже помогаем со строительством храмовых зданий, а также помогаем проводить религиозные праздники, но всё должно быть в меру и во всём должен быть порядок.

Корреспондент: Сергей Семёнович, особенно летом, осенью, весной Вас можно было видеть вот на этих пространствах парковых... Вы вообще хотите всю Москву в парк превратить?

Сергей Собянин: Речь идёт не только о парках, а о создании общественных пространств в Москве. И я считаю, что, конечно, мы не всё сделали, но большой шаг в этом направлении — он заметен. Ежегодно в Москве появляется около 50 километров новых пешеходных улиц. Мы создаём около 50 новых парков ежегодно, мы заботимся о восстановлении и реконструкции существующих парковых территорий. Плюс возрождение исторических мест, таких как ВДНХ.

И, кроме того, это пространство надо насыщать жизнью. Мы проводим тысячи мероприятий, в том числе такие уникальные, как фестиваль света, фестиваль «Путешествие в Рождество», летний фестиваль «Московское варенье»... И это становится хорошей традицией, когда люди выходят на улицу, общаются друг с другом.

Корреспондент: А Вы своих друзей, знакомых, которые к Вам приезжают, куда везёте?

Сергей Собянин: Если говорить о том, куда бы я предложил поехать гостям столицы, которые здесь не были лет 10 — 15 ... Я предложил бы поехать в те точки Москвы, которые знает вся Россия и москвичи и которые есть с чем сравнивать. Ну, все знают Парк Горького. Любой гость столицы почитает за честь съездить туда и посмотреть. Я бы предложил сегодня съездить посмотреть и сопоставить с теми воспоминаниями, которые у людей сформировались с детства. Я бы предложил им поехать на ВДНХ и посмотреть, что происходит там. Как это было в их детстве и юности и что там сейчас происходит. Я бы не советовал — ни в парк Горького, ни на ВДНХ — поехать лет пять тому назад. Никому бы не посоветовал. Сегодня я советую. Я считаю, что они не даром потратят время.

Москва — уже не «кавказская пленница»?

Корреспондент: Когда-то Москву так с сарказмом называли — «кавказская пленница». В последнее время из обихода это стало исчезать... Людям просто надоело уже эту проблему полоскать или действительно что-то изменилось?

Сергей Собянин: Я бы не стал концентрироваться на выходах с Кавказа, потому что на Кавказе живут наши

граждане, россияне, и неправильно каким-то образом отгораживать их от всех остальных.

У нас есть люди, которые приезжают в Москву учиться, работать. А есть немалое количество тех, кто приезжает для того, чтобы заниматься теневым бизнесом, просто криминалом. И у нас в городе было огромное количество точек, куда этот криминал притягивался.

Вы хорошо знаете Москву, что было на «Черкизоне», что «Лужники» назывались «лужей» и что там был огромный рынок... И таких рынков по Москве было более чем достаточно. Возле транспортно-пересадочных узлов, вокзалов было столпотворение незаконной хаотичной торговли. И вокруг всего этого формировался большой криминальный пласт, который давал огромный объём преступности и назойливо лез в глаза москвичам.

А после того как мы убрали рынок в «Лужниках», преступность в этом районе сократилась в десятки раз. А когда запретили незаконную торговлю вокруг вокзалов — из самых криминальных точек они стали самыми благополучными с точки зрения уровня преступности. И это, конечно, снимает накал.

А тысячи незаконных ларьков? Иногда мне говорят: мол, вы губите малый бизнес... Но слушайте, любой бизнес должен работать по правилам и большинство этих точек никакого отношения к малому бизнесу не имели — это точки, которые крышевались полукриминальными структурами, и москвичей, там работающих, практически не было.

Не скажу, что все проблемы решены. Огромное количество проблем осталось. Но острота их начала снижаться.

Кстати

«Мы получаем сотни тысяч электронных жалоб. И реагируем на них»

Корреспондент: Одно время лично Мэру москвичи присылали эсэмэски. Вы это всё где берёте и смотрите? Чиновники ваши ведь могут обмануть.

Сергей Собянин: Я думаю, что мы позднее поговорим на эту тему. Это большая, серьёзная тема.

Корреспондент: Вы, конечно, подготовитесь. А сейчас, без подготовки, можете сказать?

Сергей Собянин: Без подготовки могу сказать, что вообще в Москве создана беспрецедентная система контроля за обращениями граждан под названием «Наш город». И москвичи могут пожаловаться практически на 80 процентов всех тех проблем, которые им встречаются по жизни. Начиная от выбоины на дороге, неубранного подъезда, неработающего светофора, отсутствия лампочки во дворе.

Корреспондент: И это может до Мэра дойти?

Сергей Собянин: Это приходит в единый колл-центр, который не зависит от исполнителя. Ни от ЖКХ, ни от дорожников. Вся аналитика поступает непосредственно мне. И мы еженедельно разбираемся на оперативном совещании.

Корреспондент: Сколько Вы времени на это тратите?

Сергей Собянин: Для этого не так много нужно времени. Потому что общая аналитика отформатирована, показывает точно процент и сроки исполнения решений по жалобам, а также то, в компетенции каких руководителей эти острые вопросы находятся...

Корреспондент: Интересно, сколько же жалоб поступает?

Сергей Собянин: Речь идёт о сотнях тысяч. Мы практически на две трети заменили бумажные жалобы, которые невозможно было проконтролировать, на электронные. Исполнение решений по ним идёт чётко по регламенту. Большая часть проблем решается в течение четырёх-пяти дней.

Что ещё сказал Мэр

...О мигрантах из ближнего зарубежья

— У нас за год количество преступлений среди мигрантов из ближнего зарубежья уменьшилось на 15 — 20 процентов. А количество высланных из страны и тех, кому на пять лет запрещён въезд обратно, составило более

300 тысяч человек. Раньше делили квоты мигрантов — это такая абсолютно криминальная неэффективная система, которая работала через массу посредников. Теперь мы будем заставлять мигрантов платить деньги — за пребывание здесь и за патент. И эту вот новую идеологию миграционной политики мы увидим в течение года-двух и тогда оценим, как работает.

...О жилищном строительстве

— Мы сейчас вышли на объём где-то в три миллиона квадратных метров жилья в год. (В 2010-м, напомним, было чуть меньше двух миллионов.) И вот этот объём — около трёх миллионов — мы надеемся сохранить в ближайшее время, и вполне возможно, что он даже немного увеличится. Больше строить в Москве очень сложно, потому что город и так плотно застроен. У нас огромные районы в Москве построены практически без рабочих мест, их так и называют — спальные районы.

...О Новой Москве

— В Новой Москве не должно быть спальных районов. Там должна быть комплексная застройка, где было бы сбалансировано жильё и рабочие места. Более того, я считаю, что там рабочих мест должно быть построено больше, чем жилья. Потому что вокруг этой территории — и в Новопеределкине, и в Солнцева, и в Бутово — дефицит рабочих мест, и Новая Москва должна создать новые рабочие места, которые будут работать не только на эту территорию, но и на старую территорию Москвы, которая сегодня является дефицитной с точки зрения приложения рабочих мест.

...О школах и детсадах

— Четыре года назад у нас от 50 до 70 тысяч детей стояли в очереди в детские дошкольные учреждения. Я думаю, что ещё примерно такое же количество даже не пыталось записаться в силу того, что считало это бессмысленным и бесполезным. Мы не только сняли очередь на детские дошкольные учреждения — у нас количество дошколят в детских дошкольных учреждениях выросло на 50 процентов. Если мы в прошлом году решили проблему устройства детей от трёх до семи лет, то в этом году практически полностью снята проблема с устройством маленьких москвичей от двух с половиной лет. И это не случайно. Мы за последние три года ввели порядка 150 объектов образования — школ, дошкольных учреждений.

...И пожелание москвичам

«Давайте верить не в кризис, а в лучшие дни»

Корреспондент: Сейчас в Москве тоже вроде кризис — гречку скупают... Знаете, да?

Сергей Собянин: Мне кажется, это абсолютно спекулятивные вещи.

Корреспондент: Вы как наш столичный градоначальник готовы как-то к острому развитию кризиса в экономике, в финансах? Что вообще ждет москвичей? Какое желание Ваше потаённое, которое Вы, может быть, загадаете на Новый год в этом плане?

Сергей Собянин: Мы всегда надеемся на лучшее и готовимся к худшему. Но давайте друг другу пожелаем, чтобы наш город продолжал процветать, чтобы ничего плохого у нас не происходило, чтобы у нас было больше позитивных новостей. Александр, я должен сказать, что это не просто заклинание. Многие вещи находятся не в области экономики, а в области психологии. Если мы себя настроим на то, что у нас всё хуже становится, что у нас какой-то новый кризис, — так оно и будет. А если мы будем настраивать на позитивный лад — и себя, и наших инвесторов, которые приходят в Москву, которые будут вкладывать в город, будут развивать производство, экономику, то мы действительно придём к тому, что кризис минует и настанут лучшие дни.

Вопрос от сайта KP.RU

Что с Вами случилось, Сергей Семёнович?

Корреспондент: Когда я к Вам собирался, мои коллеги с сайта «Комсомолки» сказали: если удобно, задай Мэру Собянину такой вопрос. Вот когда Сергей Семёнович стал исполняющим обязанности Мэра, к нему настороженно относились люди. Кто-то с недоверием, где-то, может, даже были враждебно настроены. Сейчас отношение к Вам

изменилось в лучшую сторону — москвичи Вас приняли.

Вы специально что-то делаете, чтобы свой имидж поменять? Что с Вами случилось?

Сергей Собянин: Со мной ничего не случилось. Я считаю, для того чтобы тебе люди доверяли, тем более москвичи, не нужно врать и лукавить, не нужно метаться, пытаться понравиться, нужно спокойно и профессионально делать свою работу. А если ты её делаешь правильно, тебя оценят.

На закуску

Что будет у Мэра на новогоднем столе?

Корреспондент: ...А какое будет блюдо на Вашем новогоднем столе? Наверное, чисто сибирское?

Сергей Собянин: Сибирско-московское.

Корреспондент: А что именно?

Сергей Собянин: Холодец и пельмени. Я думаю, что это будет у многих москвичей.

Корреспондент: Вы сами готовите это всё? В смысле, есть рецепт какой-то особый?

Сергей Собянин: Особых рецептов нет. Я не кулинар, к сожалению.

Корреспондент: То есть просто Вам приготовят...

Сергей Собянин: Как, наверное, и вам... А вы съедите, да?

Корреспондент: Да.

Сергей Собянин: Молодец! (Смеётся.)

А в это время

Мнение пассажиров московского метро

Тимофей Чехов, житель Тропарёво:

— Живу здесь с 1985-го. Была масса проблем, как добраться через пробки до ближайшего метро. Теперь меня пробки не волнуют. А можно ещё сказать? На нашей новой станции такая красотища!

Лора Малышева, жительница района Тёплый Стан:

— А я уже «открываю» третью в своей жизни станцию метро! В конце 1950-х была «Студенческая» — мы там рядом жили. В 1964-м — «Проспект Вернадского». И вот теперь — «Тропарёво». Эта станция мне ближе всего: я вот засекала, от дверей квартиры до метро — ровно четыре минуты!

Адрес страницы: <http://gbusc44.mos.ru/news-of-the-moscow-government/detail/1467006.html>
